№ 9

СМЕХАЧ

МАЙ 1924 Ленинград, Просп. Володарского 53а. Тел. 1-68-80 ЦЕНА 25 КОП

К „НЕДЕЛЕ ЛЕСА“

Рис. Б. Антоновского

Ярославский: — Ну, этот сук нечего и отпиливать. Сам засох, сам и отвалится.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА

СМЕХАЧ

С ГЛУБОКОЙ СКОРБЬЮ СООБЩАЮТ О ПОСТИГШЕЙ ИХ УТРАТЕ

ЛУЧШЕГО САТИРИЧЕСКОГО СЮЖЕТА

РАЙМОНДА ПУАНКАРЕ,

последовавшей в день перевыборов палаты.

Вынос... Впрочем, выноса не будет. И без того пять лет выносили. Больше выносить не в силах!

КОСОПУЗЫЙ

В „Русской Газете", вышедшей в этот день в двойном количестве, эмигранты, проживающие в Париже, с большим удовольствием прочитали статью А. И. Куприна.

Писатель заявил в статье, что для него *никаких сомнений теперь нет*:

— *В России будет царь...*

Так сказал ему „косопузый мужиченко Рязанской губернии, Зарайского уезда, села Нечмаж"...

В видах „исторической объективности" сообщаем, с чего началось дело и как все произошло.

Александр Иванович сидел в пивной на одной из уличек Монмартра и, держа в руке рака, делал ему интервью.

— Я тебя про царя спрашиваю, красный дурак... как ты на это смотришь?

Рак молчал. Несомненно, он был республиканец.

— Как слышу, господин, извините, что вы русский, побеспокою вас на папиросочку...

Александр Иванович покачнулся, мигнул и положил рака на стол.

— Я тебя не про папироску спрашиваю, а про царя.

— Так точно. Без царя-батюшки пропадем-с... по всей строгости законов... Дозвольте,—я эфтого рака-с с булочкой съем...

Александр Иванович в изумлении откинулся на спинку стула и свистнул.

— А ты... кто?..

— Мы господин, Рязанской губернии, Зарайского уезда..

— Ко-со-пу-зый?!.

— Так точно... Рязанские завсегда косопузые, потому такая губерния с подобным местоположением. Села Нечмаж...

— А улица Сант-Оноре?.. на Монмартре?.. по-ч-чему!?. Не понимаю!

— А мы, господин, с шешнадцатой дивизии... Добровольческого корпуса генерала Ерхдели-с... Его превосходительства..

— Крамбамбули! Царь будет?

— Господи!.. Дыть иначе!.. Дозвольте я эфтую штуковину доем-с...

Перед глазами Александра Ивановича,—в зелено-фиолетовом тумане — качнулась туда-сюда чалая бороденка, солдатский блин, две щелки по бокам картофелины и кусок английцкого мундирования.

— Спа-сибо, брат!.—сказал Александр Иванович.—Ты—косопузый, у тебя нутро... ты не мозгой, а нутром живешь... А нутро... оно все!..

— Нутро у нас, двистительно... питания требывает... господин... Нутро у нас приспособленное, а как ежели оправиться, то и не с чем, господин. Дозвольте, господин, я допью кружечку... А про царя не извольте беспокоиться...

Александр Иванович пожелал записать „пророчество", но рачья нога на буттерброде с сардинкой не оставила никаких знаков письменности, — и он рассердился.

— Не пишет... Глупо!.. Гарсон, доннэ вит ен бутель дю коньяк. Прохвосты!.. Так ты рязанской, косопузый?

— Без малейшего сомнения, компатриот. Ха-ха-ха!.. Все мы— рязанские, а округ пустого места окалачиваемся, в роде как-бы живем... Это из... помните?..

— Из Успена Глебского... помню... Ты говоришь: царь будет?..

— Говоря персонально, конечно, на чорта он мне, но принципиально, академически, так сказать, несомненно! Для этого должна же была висеть в красном углу какая-нибудь икона... Без икон в хате—сплошной матюг, Анна Марковна и... ха ха-ха! комячейка женотдела...

— Да ты кто?..—удивился Александр Иванович.—Косопузый?.. Мужиченка?

— Косопузого я отсюда тряхнул... А кто я?.. Ха-ха-ха! И сам не знаю, дорогой и уважаемый компатриот. Был полковником, а теперь—имажинэ ву: дворянин и без табаку...

— Из... Островского...—качнулся Александр Иванович.—Пей!.. Косопузый... Значит из Рязанской губернии... Нутро, брат!..

— A votre santé.. Что?.. Запрещено?.. Мне!? Сюда?.. Да ты знаешь, хам, с кем разговариваешь?!

Александр Иванович открыл глаза,—и опять в зелено-лиловом тумане перед ним мелькнули черные усы, закрученные кверху, монокль и угол лацкана японского кителя с десятком орденов.

Около стола шла возня. Кого-то выводили, кто-то ругался чистым языком камско-волжского капитана, несколько голосов шумели по французски.

— А скажи, косопузый...—начал писатель, отыскивая рукой на столе бутылку.—Раз ты косопузый, то у тебя нутро... землей ты дышишь.. в землю зубами въелся,—корни у тебя в земле.. скажи, косопузый.

— Это мило! Как это я попала в косопузые?

Громадная красная шляпа закачалась в тумане, блеснули колоссальные серьги под ней, и красные губы на алебастровом лице показались и закрылись колеблющейся рюмкой.

— Ты-же—косопузый!.. Рязанской губернии!..

— Ничего подобного!.. Ха-ха-ха! Сэ шарман! Мерси, мосье Куприн. Я — косопузая!! Слышишь, Боря! Боря! Ведов! Меня мосье Куприн в косопузые записал!

— Я тебя про царя спрашиваю, Рязань!.. А ты Борьку Ведова... Царь будет? Нутром говори!..

— Царь?.. Кес-к'се царь? Ах, да! Царь будет!.. И я снова буду в Петербурге... В „Самарканде" и „Вилле Родэ"... Он должен быть, иначе я здесь пропаду... Три миллиона шансонеток, — и всего сто шантанов. И нет хорошего пассажира. А вотр..

— Вот спасибо, косопузый!.. Я Милюкову не верю, а тебе.. верю. Ты земля! Ты нутро!..

Зеленый туман покрыл и столик, и окно за ним, навалился тяжелой тучей на голову и придавил все тело к столу. Александр Иванович уснул.

Статья о „Косопузом" утром напечатана не была, а появилась только через два дня.

Евг. Симбирский

СТАРОЕ И НОВОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

Студент и прежде голодал,
Нуждой безжалостно примятый,
Но кто в былые дни видал
Студента с дворницкой лопатой?
Увы! Барчук-интеллигент
Интеллигентом оставался
И в самый тягостный момент
Себя „унизить“ не решался:
— „Пустое брюхо просит есть...
До отвращенья есть охота!
Но... требует мундира честь —
Не пачкать рук простой работой!!
Быть грязным дворником?.. Нет, нет,
Дрожу пред участью такою:
За мною — Университет!
Честь корпорации за мною!!
Себе во век я не прощу
Прикосновенья к смрадной тачке;
Уроков лучше поищу,
Или... общественной подачки.
Концерт с Шаляпиным и К⁰
(Нам отказать не хватит духу!) —
И чистоплотно и легко
Изжить лихую голодуху!“

———

Какая пыль!.. Нет сил моих...
Иду к оконцу, зол, как щелок...
На мостовой, среди других,
Пылит метлой... студент-технолог.
Его направил в Институт
Завод откуда-то с Урала.
Пришлось тугонько парню тут,
Нужда — буквально — сног сбивала!
Но паренек не оробел:
Без лишних дум и колебанья
Он фартук дворницкий надел —
Во имя светлой жажды знанья!

———

Но, уважаемый поэт,
Нельзя-ль ответить досконально
(Но только — искренний ответ!):
Нормально это?
— *Ненормально!*
Но, во внимание приняв
Нужду эпохи перехода,
Я говорю: — „Парнишка — прав:
Иного *нет* пока исхода!
Здесь крепкий классовый подход:
Ему страна помочь не может,
Так он навстречу ей идет
И часть нужды на плечи ложит“.
„Урок? Имеется, — возьму;
Не бойсь, не спрячу руки в брюки!
Нет? — буду дворником в дому:
Метлой расчищу путь к науке!!“

Василий Князев

ЖЕРТВА ИСТИНЫ

— Чем вы объясняете ваше исключение, Иван Петрович?

— Видите-ли, основное правило РКП: поддерживать чистоту партии. А так-как нет правил без исключений...

К ПАРТСЪЕЗДУ

— Выходит, что ни одно положение оппозиции не оправдалось...

— Кроме одного, что их положение было безнадежно.

У РЕДАКЦИИ „ФОРВЭРТС“

— Что это он шопотом говорит? Голос потерял?

— Кабы один голос! 3.000.000 голосов потерял — шутка-ли!

НА XIII-ом ПАРТЪСЕЗДЕ

Рис. Ив. Малютина

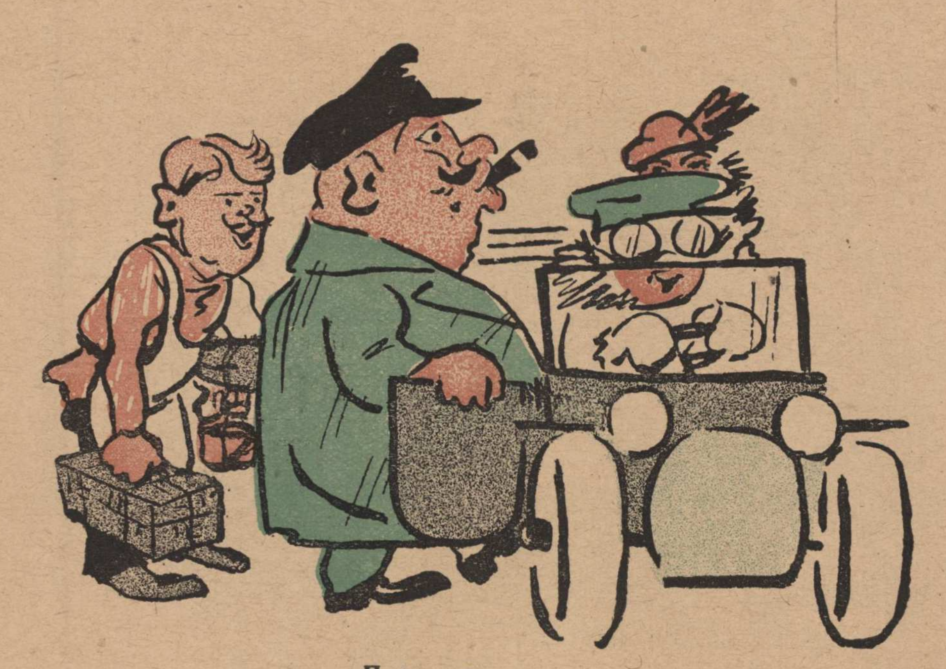

Лев Давыдович ТРОЦКИЙ
(Молниеносная зарисовка)

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ СПЕЦА

Рис. Н. Радлова

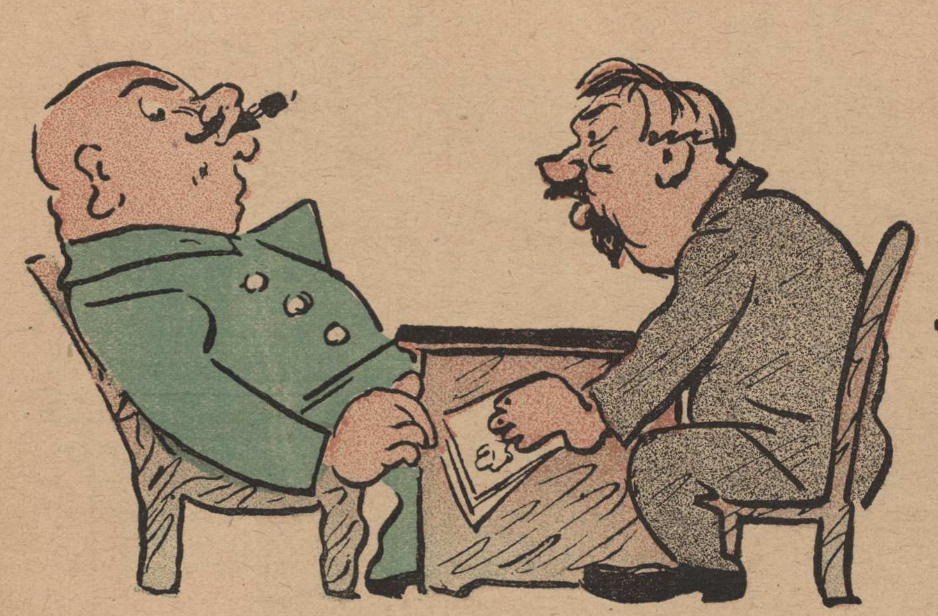
(Авио-хроника)

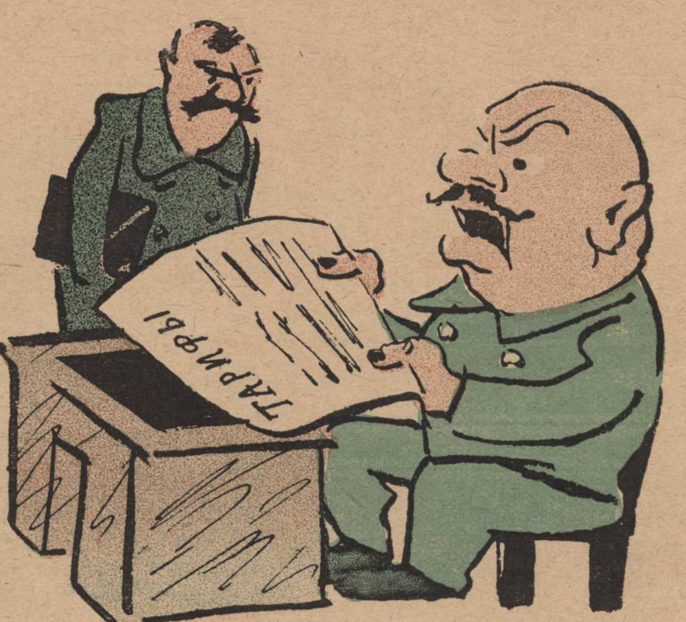
Пуск мотора

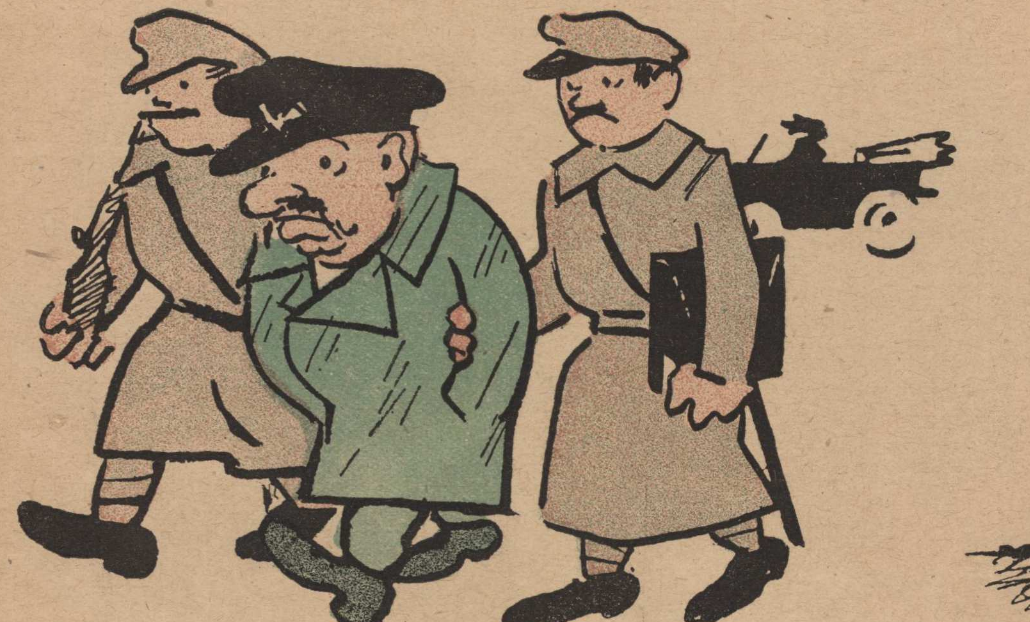
Рекорд высоты

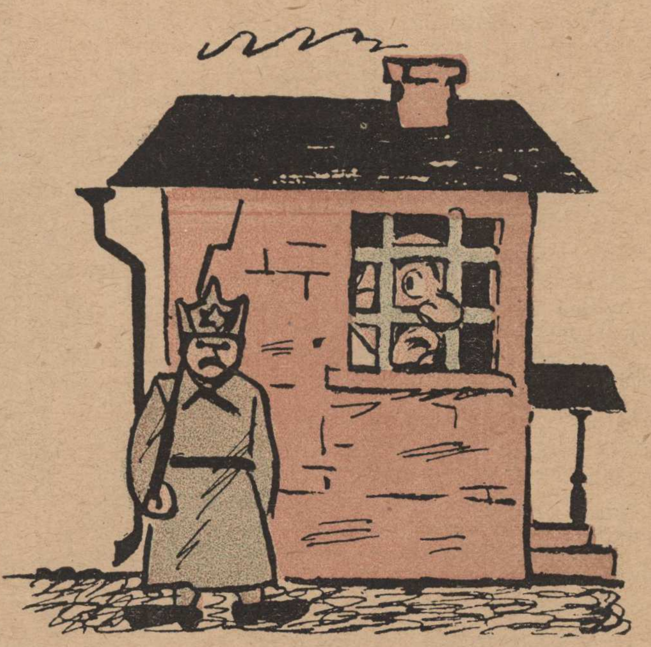
Пробный полет с пассажиром

Снижение

Успешная работа наблюдателей

Мертвая петля

КУЛЬТНЕРАЗБЕРИХА

Рис. И. Каликина

— **Мишка, почему за буренкой не доглядел, от стада вот отбилась?**

— **Я, дяинька, ролю учил.**

СУД НАД РАБКОРАМИ

— Граждане! Сейчас мы приступим к суду над рабкорами. Я понимаю, граждане, то справедливое возмущение, тот глубокий гнев, который переполняет присутствующих здесь жертв рабкорства, но я прошу вас, граждане, соблюдать порядок и тишину. Слово для обвинения предоставляется прокурору, бывшему директору завода, гражданину Автомобилеву.

— Граждане! Сидящие перед вами на скамье подсудимых обвиняются в том, что, находясь на службе в разных предприятиях, состояли одновременно рабкорами газет, печатали заметки о внутренних делах предприятий и причиняли этим неисчислимый вред самоотверженной администрации. Граждане! как вы видите,— я сам ныне, по их вине,—*бывший* директор... Но не буду говорить о себе. Здесь найдется достаточно много пострадавших, желающих дать суду показания против этих опасных преступников, врагов организованного общества. Со своей стороны, заранее требую для преступников самой высшей меры наказания, дабы раз навсегда парализовать их вредную работу.

(Аплодисменты).

— Слово предоставляется свидетелю, заведывающему кооперативом „Красный Литейщик", гражданину Ноздреву.

— Граждане и гражданки! Я, конечно, буду говорить по существу рабкора Блохи. Той рабкор Блоха, не будучи ни ухом, ни рылом в курсе промеждународной кооперации, пропечатал в газете довольно нахальную клевету насчет нашего кооператива, как торгующего, граждане, одной солью, а также прочими гвоздями, негодными для питания. Я, конечно, должен сказать, что, в итоге этой Блохи, я получил нахлобучку по первое число, с предупреждением об увольнении... А у меня, между прочим, в итоге — жена и дети. Так что, в виду чего, требую строгого наказания за пагубное вынесение сора из избы...

(Горячие аплодисменты).

— Слово предоставляется начальнику службы движения Закатальской жел. дороги, гражданину Версте.

— В газете систематически, из номера в номер, начали появляться заметки за подписями: Наблюдатель, Стальная Гайка, Стрелка, Машинист и другие. Обычное содержание: невыдача спецодежды, необорудование станций и тому подобное. Я не читаю газет. Но эти наглецы придумали посылать мне и моим заместителям циркулярно отдельные вырезки с нелестными приписками. Мне и моим заместителям это надоедает, граждане. Прошу принять срочные меры для ограждения меня и моих заместителей от домогательств разных Стальных Гаек, осмеливающихся озаглавливать заметки, например, так: „Верста или верстовой столб?"

(Возгласы: — Возмутительно! Требуем подвинтить Гайку!)

— Слово предоставляется гражданину Пичужкину, владельцу чайной „Отдых Лихача".

— У которых — безобразие и неопрятность, граждане, а у меня, слава те господи, — тихо-аккуратно, по первому разряду, и клиенты очень одобряют. А тут, на грех, рабкора 148 принесло: написал в уважаемой газете насчет, извините, самогона: милиция, мол, загляни в „Отдых Лихача"... И теперчи—тихо, аккуратно триста золотом штрафу, окромя закрытия производства с изъятием аппаратной ценности... Граждане! Кто теперчи виной этому подрыву процветания народной промышленности в СССР?! Я, как пострадавшая жертва, думаю, что всецело виноват рабкор 148, а фамелья евонная—сволочь Ванюков, непьющий.

Длинной вереницей проходят перед судом свидетели: инженеры, управдомы, н-ки станций, торговцы, управляющие..

С каждым показанием, всё отчетливее вырисовывается опасность рабкоровской работы.

В зале суда—напряженная атмосфера.

— Граждане! Позвольте предоставить обвиняемым последнее слово.

— Долой!!! Никаких последних слов!!!

— Дозвольте, граждане, — срывается с места Пичужкин: — я скажу им самое последнее слово: так, распере-так их! туды-т-то их, собачьих детей!..

Суд удаляется для длительного совещания.

Через три секунды вынесен приговор (лучшая награда для рабкоров!):

— Виновны.

Ив. Прутков

БОРОДАТЫИ МАЛЮТКА

(Посвящается „Огоньку“)

Недавно в Москве распространились слухи о малютке 2-х лет с бородой. Слухи оказались преувеличенными. *(Хроника).*

Год тому назад, приступая к изданию еженедельного иллюстрированного советского журнала, редактор был бодр, жизнерадостен и наивен, как начинающая стенографистка.

Редактора обуревали благие порывы, и он смотрел на мир широко раскрытыми, детскими голубыми глазами.

Помнится мне, этот нежный молодой человек, щедро оделив всех сотрудников авансами, задушевно сказал:

— Да, друзья мои. Перед нами стоит большая и трудная задача. Нам с вами предстоит создать еженедельный иллюстрированный советский красный журнал для массового чтения. Ничего не поделаешь. По нэпу жить—по нэпу и выть, хе-хе...

Сотрудники одобрительно закивали головами.

— Но, дорогие мои товарищи, прошу обратить особенное внимание, что журнал у нас должен быть все таки советский... Красный, если так можно выразиться. А поэтому ни, - ни. Вы меня понимаете? Никаких двухголовых телят... Никаких сенсационных близенцов. Новый советский, красный быт — вот, что должно служить для нас неиссякаемым материалом. А то, что же это? Принесут портрет собаки, которая курит папиросы и читает вечернюю газету и потом печатают выше упомянутую собаку в 400.000 экземплярах. К чорту собаку, которая читает газету!

— К чорту! Собаку! Которая! Читает! Газету!!!—Хором подхватили сотрудники, отправляясь в пивную.

Это было год тому назад.

Раздался телефонный звонок. Редактор схватил трубку и через минуту покрылся очень красивыми розовыми пятнами.

— Слушайте! — закричал он. — Слушайте все! Появился младенец! С бородой! И с усами! Это же нечто феерическое. Фотографа! Его нет? Послать за фотографом автомобиль!

Через четверть часа в редакцию вошел фотограф.

— Поезжайте! — задыхаясь сказал редактор. — Поезжайте поскорее! Поезжайте снимать малютку, у которого есть борода и усы. Сенсация! Сенсация! Клянусь бородой малютки, что мы подымем тираж вдвое. Главное только, чтобы наши конкуренты не успели перехватить у нас бородатого малютку.

— Не беспокойтесь,— сказал фотограф.—Мы выходим в среду, а они в субботу. Малютка будет наш. Мы первые покажем миру бакенбарды малютки.

Но те, которые выходили в субботу, были тоже не лыком шиты.

Впрочем, об этом мы узнаем своевременно.

На следующий день редакто пришел в редакцию раньше всех.

— Фотограф есть?—спросил он секретаря.

— Не приходил.

Редактор нетерпеливо закурил и чтобы скрасить время ожидания, позвонил к тем, которые выходили в субботу.

— Алло! Вы ничего не знаете?

— А что такое?—наивно удивился редактор тех.

— Младенец то с бородой, а?

— Нет, а что такое?

— И с усами. Младенец.

— Ну да. Так в чем же дело?

— Портретик будете печатать?

— Будем. Отчего же.

— В субботку значит?

— Разумеется в субботу. Нам не к спеху.

— А мы в среду, хи-хи.

— В час добрый.

Редактор повесил трубку.

— Ишь ты! Мы, говорит не торопимся. Асам, небось, лопается от зависти. Шутка ли. Младенец с бородой. Раз в тысячу лет бывает.

Вошел фотограф.

— Ну что? Как? Показывайте!

Фотограф пожал плечами.

— Да ничего особенного. Во-первых ему не два года, а пять. А во-вторых у него никакой бороды нет. И усов нет. И бакенбардов нету тоже. Пожалуйста.

Фотограф протянул редактору карточку.

— Гм... Странно. Мальчик, как мальчик. Ничего особенного. Жалко. Очень жалко.

— Я ж говорил,—сказал фотограф,—некуда было и торопиться. И мальчику только беспокойство. Все время его снимают. Как раз передо мной его снимал фотограф этих самых, которые выходят в субботу. Такой нахальный блондин. Верите ли, целый час его снимал. Никого в комнату не впускал.

Редактор хмуро посмотрел на карточку малютки.

— Тут что то не так, — сказал он мрачно.—Мне Подражанский лично звонил по телефону и я не мог ошибиться. Говорит, большая черная борода. И усы... тоже черные.. Большие... Опять же бакенбарды... Не понимаю.

Редактор тревожно взялся за телефонную трубку.

— Алло! Так значит вы говорите, что помещаете в субботу портрет феноменального малютки?

— Помещаем.

— Который с бородой и с усами?

— Да... И с бакенбардами... Помещаем. А что такое?

— Гм... И у вас есть карточка? С усами и с бородой?

— Как же! И с бакенбардами. Есть.

Редактор похолодел.

— А почему же... — пролепетал он,— у меня... Мальчик без усов... И без бороды... И без бакенбардов?

— А это потому что наш фотограф лучше вашего.

Рис. В. Козлинского

— Говорила тебе: не ходи в понедельник. Понедельник тяжелый день. Вот и вычистили.

— Причем тут понедельник! Не понедельник виноват, матушка, а среда. Заела, подлая!

В СВЕТЕ СОБЫТИЙ

Чем же объяснить, что оппозиционеры так прямо попали пальцем в небо, когда кричали, что мы погибаем? Я могу дать только один ответ: они не туда смотрели. Они смотрели вверх, а не вниз, не на процессы, происходящие в рабочем классе.

(Из речи тов. Зиновьева на Ленинградской губпартконференции).

Рис. Б. Антоновского

***Оппозиция:*—Остановитесь! Вы стоите на краю гибели!**

***Зиновьев:* — Теперь мы видим, на краю чьей гибели мы стояли!**

— Что вы этим хотите сказать? Алло! Алло!!! Чорт возьми! Повесили трубку. Негодяй!

Редактор забегал по кабинету и остановился перед фотографом.

— Берите автомобиль. Поезжайте. Выясните. Но если окажется, что они ему приклеили бороду, то я составлю протокол и пригвожжу их к позорному столб , то-есть пригвозжу... Поезжайте!

Редактор метался по кабинету, как тигр. Через час приехал фотограф.

— Ну? Что?

Фотограф, пошатываясь, подошел к стулу и грузно сел. Он был бледен, как свежий труп.

— Выяснили?

— В-выяснил,—махнул рукой фотограф и зарыдал.

— Да говорите же! Не тяните! Фу! Приклеили бороду?

— Хуже.

— Подкупили медицинский персонал?

— Хуже.

— Но что же? Что?

— Они... сфотографировали бородатого младенца, а потом... побрили его.

Редактор потерял сознание. Очнувшись, он пролепетал:

— Наш... Советский... Красный малютка с бородой... И побрили! Я этого не вынесу. Боже! За что я так мучительно несчастлив!

Вал. Катаев

В ОТПУСКУ

Долгий труд на миг отсрочен,
Смолкла музыка станков.
Повидать спешит рабочий
Дом родной и стариков.

Волны ветра бьют под кепку.
Поезд мчится. Сталь поет.
И, вздыхая грудью крепкой,
Воздух розовый он пьет.

Каруселят села, нивы
И косматые леса.
Вдоль по степи синегривой
Буйный ветер заплясал.

Вот она, родная хата!
Рядом — мельница, плетни...
Босоногие ребята
В бабки дуются, в тени...

Посреди деревни сходка
Знойным солнцем залита...
Разевает волчью глотку
Кулачище сволота.

Пятна пестрых сарафанов...
Слышны шум, и брань, и крик.
Старичек Кузьма Иванов
На заваленке поник.

— Подоспел ты в пору, парень:
Слышь, митинг идет у нас...
— Жмет кулак, што раньше барин!—
Прогудел хрипатый бас.

Стал рабочий четким словом
Кулака хлестать в лицо,
Сказ повел о жизни новой...
— Ловко! Дельно! Молодцом!!..

Мигом парень опрокинул
Кулака. Хохочет сход.
И глядит Семен на сына,
Растворив косматый рот.

Отошел кулак под свисты,
Улюлюканье и вой.
Облепили коммуниста
Мужики,—пчелиный рой!

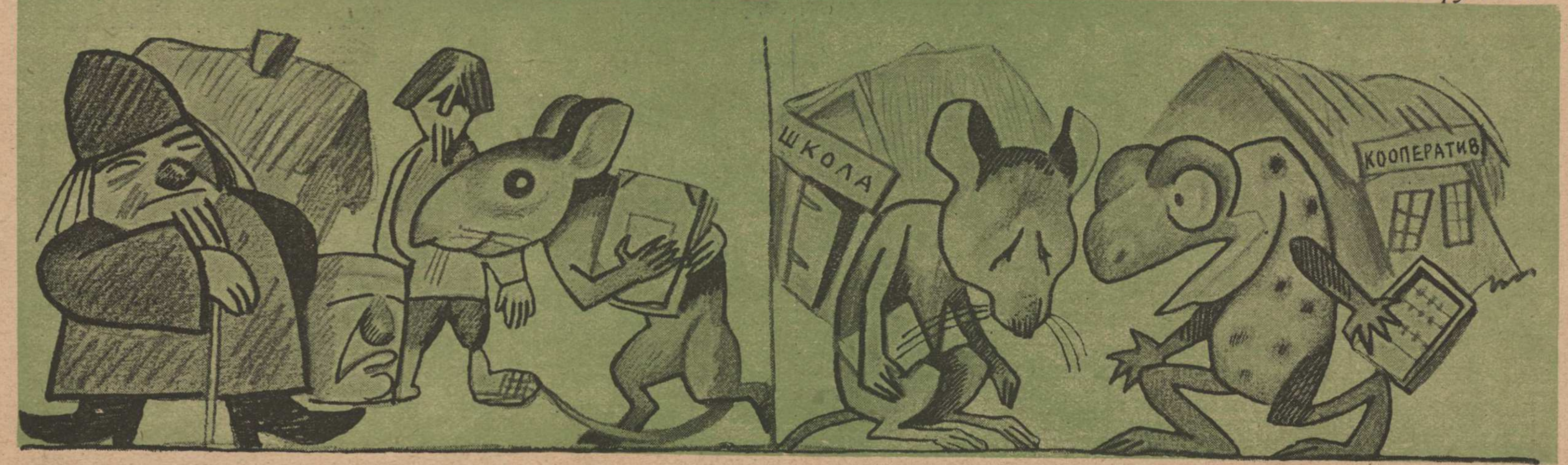
Н. Тихомиров

ВСЕХ-ДАВИШЬ

Рис. А. Радакова

(Старая сказка на новый лад)

Текст Ив. Пруткова

Бежала по дороге Мышка-Нарпроска.

Видит: у самой дороги — деревушка Дырявый Лапоть; а в Дырявом Лапте — Мужичек-Серячек, Поп Трезвон да Ведро-Самогон.

— Займусь-ка просвещением,—подумала Мышка, забежала в Лапоть и стала в нем жить-тужить.

Прыгала мимо Лягушка-Квакушка: два шага вперед, три — назад... Увидала Лапоть и спрашивает:

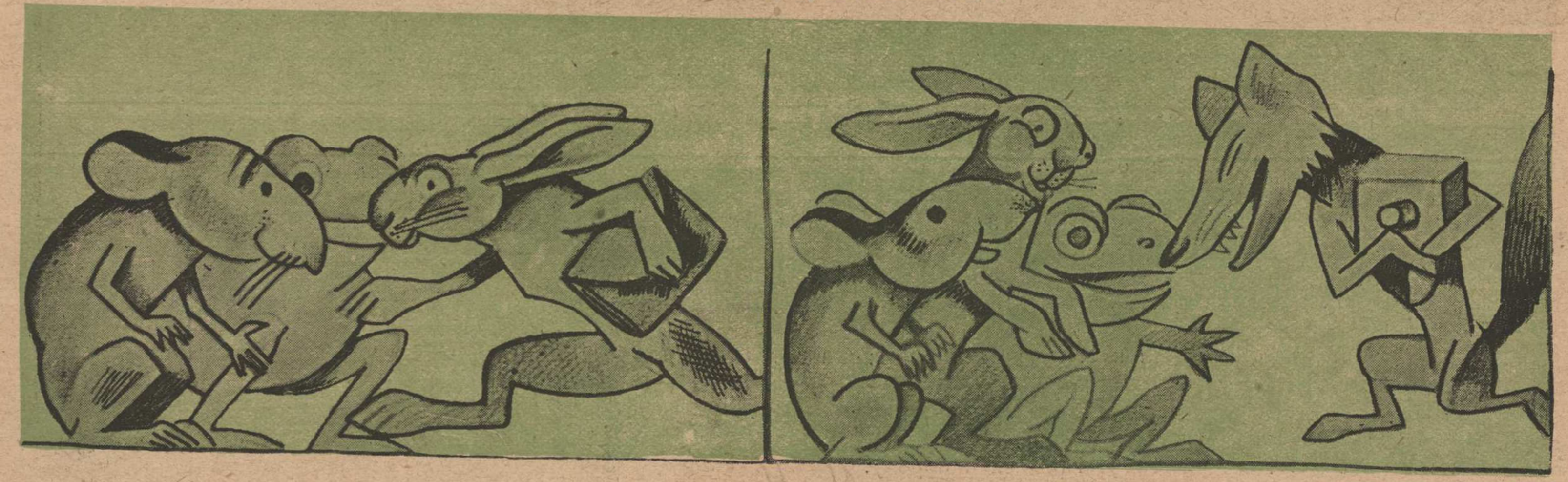
— Терем-теремок! Кто в тереме живет?

— Я,-Мышка-Нарпроска. Живу-помираю. А ты кто?

— А я *Кооперация Купишь-Кукиш.*

— Ступай ко мне в компанию. Полегче будет...

Стали жить вместе, кряхтеть вместе.

Прибежал Заяц-Торопыга.

— Терем-теремок! Алло́!? Кто в тереме живет?

— Мышка-Нарпроска да Кооперация Купишь-Кукиш... Сообща помираем. А ты кто?

— А я *Шеф-от дела Увёртыш.*

— Ступай к нам в компанию.

Стали кряхтеть вместе.

Бежала мимо Лисица, хвостом следы заметала Видит Лапоть.

— Терем-теремок! Кто в тереме живет?

— Мышка-Нарпроска, Кооперация Купишь-Кукиш да Шеф-от дела Увертыш. А ты кто?

— Я, Лектор-агроном, *Читай-почитай-Еду получай.*

— Ступай к нам в компанию.

Подошел к Лаптю Медведь, Михайло Иваныч.

— Ну и теремок! А кто-ж в эдаком тереме живет?

— Мышка Нарпроска, Кооперация Купишь Кукиш, Шеф-от дела Увертыш да лектор Читай-почитай-Еду получай... А ты кто?

— Я, Кулак-*Всех-Давишь.*

Хрясь!.. Навалился Кулак и почал давить Лапоть.

Запищали хором: Мышка Нарпроска, Кооперация Купишь-Кукиш, Шеф Увертыш да лектор-агроном Читай-почитай. .

О сю пору пищат, нутром наружу выворачиваются:

— Ой, батюшки!.. Ой, светы-советы!.. Кабы кто услыхал да помог!..

Слышат Советы. Слышат!

А—не долог срок—и помогут смахнуть кулака.

НОВЫЙ БЫТ

Рис. Ив. Малютина.

Как сынок на свет родился —
Весь честной народ сходился:
Марья, Дарья, дед Софрон,
Степанида, Агафон,
Миколай, Андрон, Вавила,
Тит, Кузьма, Иван, Гаврила.
На младенчика глядят,
В ухо папеньке галдят:

— Ты, браток, меня послухай—
Назови дитё Павлухой...
— Сенькой!
— Гришкой!
— Мишуком!
— Миколаем!..
— Сергуном!..
Поп сказал:—Воздай, что надо —

Окрещу Ев-гра-фом чадо!..
А родители в ответ,
Знай, кивают — нет да нет! —
Миколаем не жалаем:
На иной манер смекаем...
Не согласны нипочем!

И назвали — *Ильичем.*

Ив. Пр

В БЕРЛИНСКОМ ПОЛИЦЕЙ-МУЗЕЕ

Рис. К. Груса (Из коллекции Д. П—шинского)

— Под номером 112-ым, господин, совершенно нестоющая отмычка: рецидивист один засыпался. А вот обратите внимание на 120-ый номер: историческая, прямо будем говорить, вещь. Этой самой штукой в советском торгпредстве орудовали. Мы так ее и в каталог занесли: „экстерриториальный инструмент для дипломатических надобностей“.

ХОРОШИЙ УЧИТЕЛЬ.

— Учитель у нас хороший, --говорила баба, вытаскивая из печи душистые хлебы,— Василь Василич. Тридцать годков он у нас. Посчитай-ка-сь, скольких ребят грамоте обучил? Только плохо ему.

— Что-же?

— Голодует. Нешто можно на таковское жалованье прохарчиться?

— А вам не совестно, что ваш учитель голодает. Сама-же говоришь, хороший.

— Это-то правда, хороший учитель.

— Взяли-бы и снесли ему по чашке пшена.

— Это ты верно говоришь, надо-бы снести. Только кто-же понесет?

— Вот ты-бы взяла первая и понесла.

— Что-ж я одна понесу?

— За тобой-бы и другие пошли.

— Я-то понесу, а они то нет.

— Жаль тебе чашки пшена, что-ли?

— Это-то правда, не жалко.

— Так и снеси.

— Это ты верно говоришь, надо-бы снести. Только что-ж я одна...

— Зашла-бы к соседке, к той, другой, давайте, снесем учителю по чашке пшена.

— Это-то правда, надо-бы зайтить. Только что-ж я первая-то пойду?

— Да как-же вам не совестно, когда хороший учитель голодает?

— Это ты верно говоришь, совестно. Только что-ж мне одной совеститься?

Я встал и вышел из избы.

Василь Василич, маленький старичек с кудрявыми удивительно хорошо сохранившимися волосами, хлебал со сторожихой из одной чашки горячее варево, подставляя кусок хлеба под деревянную ложку и бережно неся ее ко рту. Я остановился на пороге.

— Обедаете?

Василь Василич приподнялся.

— Ничего, ничего, входите. Мы уж кончаем. Меню у нас коротенькое, хе-хе.

Сторожиха облизала ложку.

— Кажный день эта самая меня, без отмены.

Я протянул руку.

— Зашел познакомиться. Крестьяне хорошо отзываются о вас.

— Да, меня тут тово... любят.

Василь Василич смущенно улыбнулся. Сторожиха презрительно пожевала губами.

— Как не любить, дураков скрозь любят. Нешто это человек? Дитё. Эдакого омануть, что плюнуть. Третьеводни Кузька шалыган курицу нашу уворовал, люди видели, как ён ее задворками попер, одна-то курица у нас всего. Иди, говорю, пожалься, стребуй. Куды там! Ежли, грит, ён ее уворовал, курицу то, пущай пользовается. Где-ж это видано, ворам потачку давать?

Василь Василич смеялся тихим добродушным смешком.

— Подите вот, частная собственность тоже.

Сторожиха озлилась.

— Известно, честная, а то какая? Краденая у нас курица, что-ли? По настоящему разобраться, дык казенная эта курица: при школе состояла.

Василь Василич утирал слезинки.

— Потолкуйте с ней, государственное имущество.

Я протянул коробку.

— Курите?

Василь Василич осторожно взял папиросу желтыми от махорки пальцами, повертел перед глазами и положил обратно в коробку.

— Отвык я от папирос, не стóит уж... Я уж лучше нашей махорочки.

— Как живете, Василь Василич?

Сторожиха утерла ладонью рот и махнула рукой.

— Какая тут жизь. Погляди, пиджачишко на ём, латка на латке. Кабы не я, давно подох, мной только и кормится.

— Ну, ну...

Василь Василич покраснел и окинул меня беспокойным взглядом.

— Чего нунукать? Товарищ тоже с понятием.

Василь Василич вздохнул.

— Тяжеленько нашему брату, это правда.

Прощаясь на крыльце, я задержал руку Василь Василича.

— А скажите, о какой поддержке говорила сторожиха?

Василь Василич испуганно замигал глазами и снова покраснел.

-- Да вы не смущайтесь, я ведь понимаю.

— Видите... Самогонку она варит... Уж я грозил, донесу, мол, да что поделаешь с бабой!

Василь Василич смущенно развел руками. Я пошел.

Учитель долго стоял на крыльце, потупив голову.

К. Мазовский

ПЕРВИЧНЫЙ КООПЕРАТИВ

— Почему так дорого?.. Куплю в кооперативе.

— Дорого?! Помилуйте, кооперативу я дороже считаю: он же у меня покупает... Вам я уважение сделал на целый полтинник.

ГОРЕ-СМЫЧКИСТ

Были случаи, когда в деревню посылались товарищи совершенно с ней незнакомые.

(Материалы Учраспреда ЦК)

Приехал, устроил собранье и—бух!
В таком, приблизительно, стиле:
— „А ну, покажите теперь мне обух,
На коем вы рожь молотили“...

Обухом бы этим да по лбу того,
Кто вздумал направить в деревню его!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

„БЛАЖЕН ИЖЕ И СКОТЫ МИЛУЕТ"

Это бывает. Затрет, например, ломовую лошадь на мосту — ни взад, ни вперед — ни чихнуть, ни сморкнуться. А извозчик попадется ехидный — начнет шпынять свою лошаденку и в хвост и в брюхо.

И тут (замечай, читатель!), тут непременно и обязательно объявится на мосту этакая скромная, симпатичная личность. Личность эта подойдет к извозчику и начнет срамить его, дескать, тебя бы, мерзавца, так шпынять, с тебя бы, дескать, с прохвоста, шкуру живьем снять за то, что ты лошадь кнутом хлобыстнул.

Это бывают такие сердобольные люди — жалеют они животных.

Черта в характере, конечно, благородная, но послушай, дорогой читатель, что пишет „Красноярский Рабочий" об одном Доме Инвалидов, что в бывшем Успенском монастыре: *„Покойников там возят на городское кладбище. Поэтому их копят сразу по несколько человек, чтобы зря не гонять лошади"*.

Копят, наверное, по 10 покойников Накопят 10 персон и везут, чтоб, значит, лошаденку незря гонять, жалко ведь. Сам симпатичный заведывающий по вечерам, небось, ходит и считает покойников: — Один, три, девять... Одного, не хватает — прямо хоть убивай для комплекта!

При таком заведывающем лошаденке, конечно, не житье, а малина, а вот инвалидам, поди, жутковато приходится ждать своей очереди.

Блажен иже и скоты милует!

М. З.

МЕРОПРИЯТИЕ ДИК'а

В Ростове-на-Дону ДИК решительно ополчился против пьянства и безобразий в пивных Между прочим,—

> музыка в пивных запрещается. Пивные обязуются отпускать одному посетителю не более 2-х бутылок пива.
>
> („*Сов. Юг*").

Единственно, что можно возразить против ДИК'ова постановления: неужто-ж посетитель не приспособится? Скажем, выпьет в одной пивной „пару пива", в следующую пойдет. Опять „пару" закажет. В десятой пивной, на десятой паре пива, ему и музыки не надо: сам запоет тромбоном.

А мы бы вот что посоветовали:

Музыку в пивных оставить, а пиво запретить.

УТОНУВШАЯ НА СУШЕ

Бросьте бумагу на воду—поплывет. Пошлите её к водникам—на сухопутьи утонет.

> ЦК водников разослал на места программу ученичества на водном транспорте и при этом оговорился, что ее следует пересмотреть на местах и на основе поправок выработать, как единую общую.
>
> Пришла такая программа и в наш камский райкомвод и... начала здесь гулять...
>
> Райкомвод направил программу в секцию инженеров. Председатель отправил ее в затонком, а оттуда она пошла еще куда-то и... пропала.
>
> („*На Вахте*").

Мы же и говорим: утонула!

Тело утопленницы обнаружить не удалось

РАСКОШЕЛИЛИСЬ

Раскошелилась Ташкентская жел. дорога! Она, читатель, ведет борьбу с крушениями. А потому: —

> „Установлено вознаграждение в 50 коп. золотом всякому агенту дороги, за обнаружение в пути лопнувшей рельсы"...
>
> („*Советская степь*").

Полтинник золотом или 25 тысяч совзнаками! Вознаграждение изрядное. Все-таки на полтинник золотом можно либо бутылку пива закусить горошком, либо этот самый к пожертвовать Ташкентской жел. дор. у с крушениями. Одно из двух.

„ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ"

Трагическую историю рассказывает Вологодский „Красный Север":

> О. Виталий—поп из Николо-Кузнецкой церкви — ходил крестить ребенка в деревню Левково и потерял... узел... в котором были завязаны купель, евангелие, шелковый платок и риза, словом, весь поповский инвентарь.

И—что обиднее всего! — нарочно владыка узелком завязал, для памяти, чтобы не забыть. И, вдруг, этот самый узелок и посеял. Чистое горе!..

Так и не мог вспомнить: что нес и для чего...

ТРАНСФОРМАЦИЯ

В вагонном цехе ТМВ (пишет Вологодский „Кр. Север") был разыгран самовар. Достался он одному из жестянщиков. Конечно, счастье— громадное: не жестянка какая-нибудь, а самовар,—с трубой, с краном!..

Нельзя не выпить.

> А так как дело было в получку, то „спрыснули, как следует" и в результате ни самовара ни получки—все пропито.

Самовар превратили в самогон, а самогон выпили. Ни черта и не осталось!.. Ни трубы, ни крана...

Одна отрыжка...

О БАШМАКАХ

Скажи, пожалуйста, что за народ у нас! Никак на него не потрафишь...

> Понадобилось технической передаче ст Царицын СК ж. д. 30 тормозных башмаков.
>
> В Царицыне не оказалось, так как при ликвидации вагонных мастерских все вагонные части были переданы в депо Сарепта СК ж. д.
>
> — Прислала Сарепта башмаки, но без дыр. Нужно сверлить их.

А другой раз пришлют, например, прозбашмаки — и сверлить не надо: сами дыры делаются.

Кажись, на тебе... Нет, опять ругаются!..

КУЛАЧНОЕ ПРИВОЛЬЕ

Посёлок называется „Рабочим Привольем"; а понимать нужно наоборот.

> „Рабочее Приволье"—фабричный поселок на окраине гор. Коврова, Владимирской губ., *не имеет ни одного кооперативного магазина.*
>
> Этим, конечно, пользуются два торгаша, сдирающие с покупателя 3 шкуры.

По $1^1/_2$ шкуры на рыло... Многовато!

ИЗ ЖИЗНИ ТЕМНЫХ

Во Пскове некий Степан Веселов, по сообщению местной газеты,—

> вырезал из книжки „Памятка крестьянину" образцы червонцев и пустил их в оборот среди темных людей.

Нашлись чудаки,—брали!

— Неподдельный? Побожись на этом месте...

— Ей-богу, неподдельный. Самый который *образцовый* червонец! Бери, не сумлевайся ..

РЕКОРД СКОРОСТИ

„Псковский Набат" печатает корреспонденцию из Порхова:

> Кипит работа.
> Часов не хватает.
> По всем углам идет подготовка.
> Сейчас уже пошли лекции.
> В два дня разобран вопрос о миросоздании.

Ну, и как нашли? Всё в порядке?

СЕРЬЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Один из рабкоров московской „Правды" жалуется:

> Наш завод уже давно перестали называть „Металлам"; теперь его называют не иначе, как фабрикой инвалидов Правда, несчастные случаи не такие уж серьезные: отрыв одного или нескольких пальцев, но все-таки..

Определение „отрыва нескольких пальцев", как „несерьезного" увечья говорит о большой требовательности московского рабкора.

Очевидно, меньше, как „отрывом головы" его не удовлетворишь!

ЖЕЛ-ДОР-ПОСЛОВИЦЫ

Ласковая вошь две бригады сосет.

Не говори „клоп", пока в „дежурку" не вскочишь.

Без проз-одежки протягивай ножки.

У семи зайцев кондуктор—с носом.

Кассир зарплату видит, да не скоро кажет.

„АХ, АХ, И РУКАМИ МАХ"

> „К условиям, затрудняющим мобилизацию, надо отнести и нежелание мобилизованных расстаться с культурными условиями города (Смоленск, Витебск).
>
> (*Материалы Учраспреда ЦК*).

„Не хочешь?" — „Условья ужасны вокруг,
Сиди как в каком-нибудь бесте!!"
„А ты из какого сословия, друг?
Не барич? — Создай их на месте!"

Культурные условия
Работой создают;
Не графского-ль сословия
Смоленский этот люд?

Твердый знак

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Рис А. Радакова

— Интересно: это Жираффля или Жираффле?

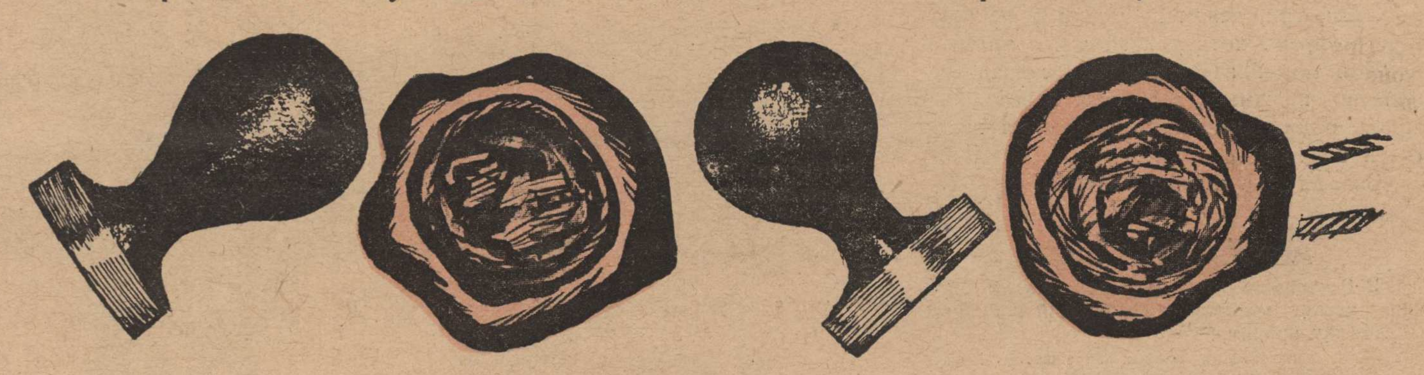
НЕ ТАК СТРАШЕН ЧОРТ...

Рис. В. Козлинского.

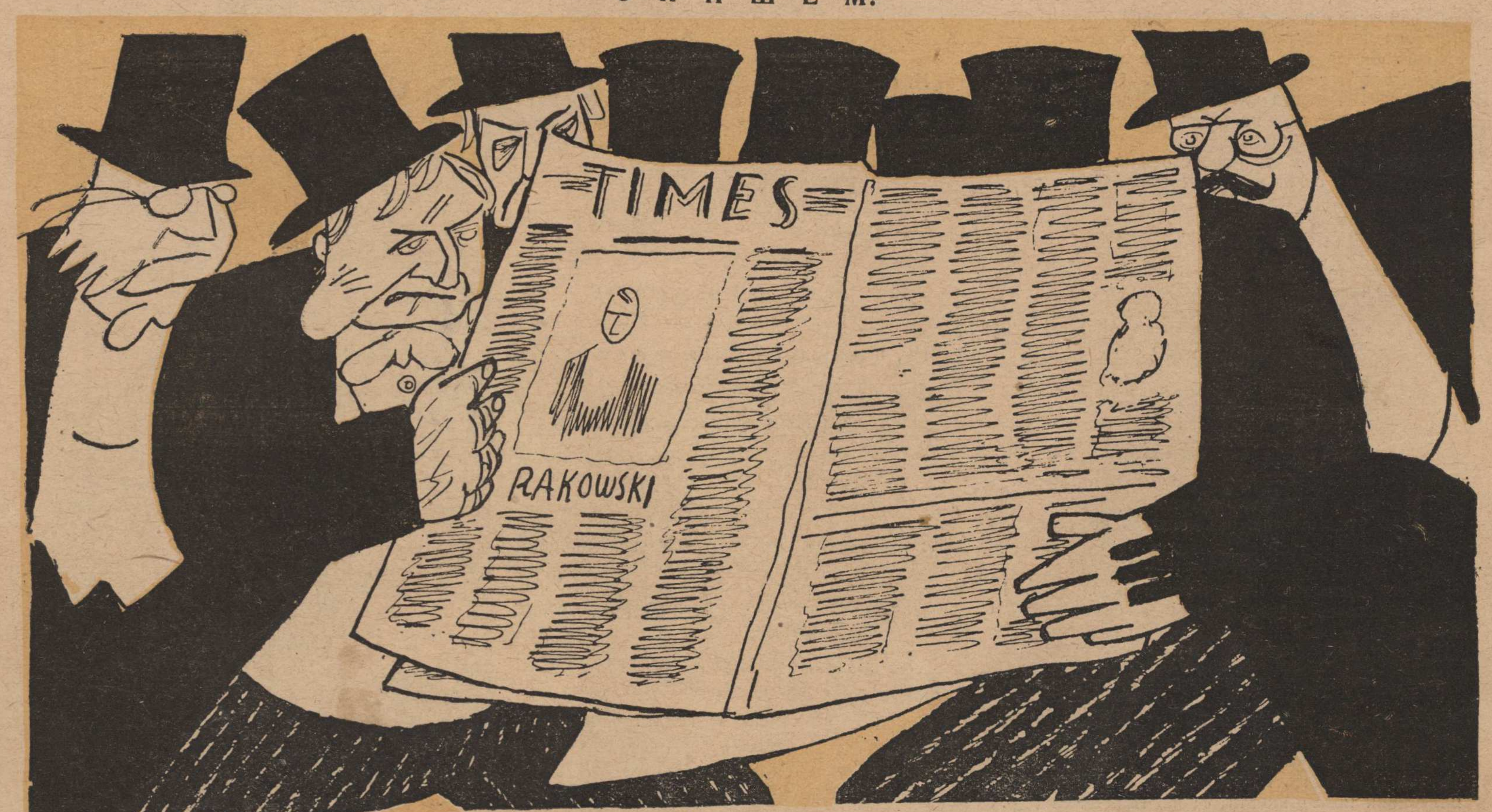
Английская пресса посвящает много места подробнейшему описанию тов. Раковского и других членов советской делегации.

Пришли банкиры к Раковскому и сказали: — Если вы не заплатите старых долгов, то мы вас —

О П И Ш Е М!

И описали.

ПРОФ-ЖАВОРОНКОВ и ПАРТ-ПУЗЫРЕВ

(Материалы для биографии)

II. ЛЕЧЕНЬЕ

Кто на свете самый несчастный человек?

Спросите Петра Жаворонкова, и он ответит уверенно и убежденно:

— Я.

В МОСКВЕ

Пузырев пришел к Жаворонкову, прокашлялся, поохал, выпрямил спину и снова съежился от боли, а потом сказал:

— Дали мне, брат, первый раз с 17-го года отпуск да прямо на курорт. Поправляйся, — говорят, — Пузырев, а то и года не протянешь. Поедем, миляга, со мной, — один я все равно по дурному использую отпуск, а ты будешь у меня на манер толкача, или контроля? А?

— Ладно. Вы, ведь, таковский: вы и во время отпуска не будете спины разгибать! Еду!

НА КУРОРТЕ

Семь часов утра. Жаворонков подходит к кровати Пузырева.

— Пора вставать, — строго говорит он, — купаться надо.

Пузырев прячет голову под одеяло и делает вид, что спит.

— Вставайте, — настойчиво требует Жаворонков, — все равно стащу одеяло!

— Петя, — стонет Пузырев, — еще полчасика, — я, ведь, уснул в шестом часу.

— Опять в шестом? — скрипит Петя, — тоже, курортник! Что делали всю ночь?

— Голубчик, я кончал 16-ую главу книги.

— Опять писали? Когда же писали, если я с вас всю ночь не спускал глаз!

— Петя, не волнуйся... Разве я виноват, — бессоница, а рассветает рано, ну... я и писал в кровати...

— Вот как? Подождите! Найду я вашу книгу! Только бы найти! В море ее брошу!

— Петя! Ты с ума сошел! Разве можно книгу в море? Я лучше встану.

На пляже Жаворонков молча раздевается.

— Ну, вы скоро? — грюмо бросает он.

— Петя... Голубчик... Я лучше полежу на бережку и почитаю „Вопросы Труда“...

Жаворонков тяжело сопит и медленно подходит к Пузыреву.

— Рррррраздевайтесь, — рычит он.

Пузырев испуганно ежится и раздевается.

— В воду!

— Петя, я еще потный.

— Неправда! Ну, в воду!

Пузырев делает шаг и, когда вода чуть-чуть прикрывает ему ступню, останавливается.

— В это время в Москве, — мечтательно говорит он, — я сидел за столом и писал статью в газету, или готовился к докладу, — хорррошо! Сядешь и часа, эдак, два...

— Идите в воду!

— Подожди, Петя. У меня тема явилась. Хорошая тема для передовицы. Я ее тебе раскажу, а потом...

Жаворонков молча берет Пузырева поперек талии и несет на глубокое место.

Там он бросает его, как мешок, и рычит:

— Плывите!

— Петя, — умоляет Пузырев, — пусти к бережку...

— Плывите!

После купания Пузыреву хочется в номер, тянет сесть за стол, но Жаворонков неумолим, — он тащит свою жертву в горы, и они ходят, ходят, ходят, — будь эти горы три раза прокляты! Потом они пьют чай.

— Я вам не дам черного чаю! — свирепствует Жаворонков. — Как вы почините свое сердце, если будете пить ваксу?

После чаю Пузыреву удается провалиться сквозь землю. Жаворонков рвет на голове волосы и пускается в поиски. Находит его в маленькой мелочной лавке, — Пузырев сидит на мешке с крупой и на боченке из под селедок пишет 17-ую главу книги.

— Пишшшшшете?! — ревет Жаворонков.

Пузырев бледнеет прячет рукопись за пазуху и бормочет какой то вздор.

За обедом Жаворонков опять насилует свою жертву:

— Ешьте! Ешьте, слопай вас дьявол, или я вас ударю тарелкой.

А вечером весы показывают: „за день минус полфунта“.

— А хорошо бы отдохнуть, — мечтает в постели Пузырев, — на курортик бы...

— Во, во! А вы где же сейчас?

— Да, да... Ошибся... В Москву бы... Эдак бы в 7 утра за работу да до рассвета... Ловко... Вот отдохнул бы!..

— Спите, — требует Жаворонков.

— Что ты! Кто же спит в десять часов?

— Спите, или я вас укрою с головой подушкой!

— Молчу... Молчу...

Пузырев долго не спит. Ему грезится Москва: учреждение, союз, ячейка, комитет, газета, конференции, конференции без конца...

Жаворонков тоже не спит.

— Лечение! — думает он, — хорошо лечение, пропади оно пропадом! Неужели, правда придется везти его лечиться в Москву?

Евграф Дольский

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

АНТИПОДЫ

В утреннем и вечернем выпуске ленинградской „Красной Газеты“ работают хроникеры, глядящие на один и тот же факт с двух диаметрально противоположных точек зрения.

Если утренняя описывает убийство братом *сестры*, в вечерней та же сестра убивает *брата* (см. „Смехач“, № 3).

Если в вечерней „Красной“ самоубийца в *оставленной записке* просит никого не винить в своей смерти, — утренняя уверенно заявляет, что покойная *не оставила никаких записок*. (см. „Смехач“, № 5).

Мы искренно пожелали газете остановиться на этом достижении, полагая, что дальше итти некуда.

Но разве репортера остановишь? Можно-ли победить неумолимый рок, заставляющий одного глядеть сверху, другого снизу, одного — спереди, другого — сзади?!.

Увы! очевидно, нет!.. Репортеры самоотверженно побежали дальше...

Столкнулся недавно поезд с трамваем.

Прибежали к пострадавшему вагону репортеры: один спереди, другой сзади. Поглядели. Написали:

Вечерний:

Вагоновожатый не остановил трамвая и паровоз поезда врезался в *переднюю* часть вагона.

Утренний:

На заднюю площадку вагона трамвая налетел паровоз, разбив таковую.

Как видите, у одного—передняя, у другого—задняя.

Не удивительно-ли, что в одной газете — столь различный *подход* (даже к трамваю)!

ДОСРОЧНЫЙ ПРИЗЫВ

В биографии т. Петровского—председателя ВУЦИК'а,—сообщенной в 89 номере „Известий ВЦИК'а“, узнаем:

Григорий Иванович Петровский родился в 1877 г. Отец его был портным, мать — прачкой.

И ниже:

В 1890 году Григорий Иванович призывается в царскую армию по Харьковской губернии, но получает по болезни отсрочку, задерживается в Харькове и работает на паровозостроительном заводе.

1890 — 1877 = 13. Тринадцати-то лет? Этому даже сейчас и юные пионеры не поверят.

ВЫСШИЙ ШИК—

взять старый № „Дрезины“, выудить из него хорошую остроту и перепечатать в „Крокодиле“, без указания источника.

„Дрезина“ (ныне „Смехач“) № 11 от окт. 23 г.:

Высший шик

Получить высшее образование, вращаться в высшем обществе, получать высшую ставку и кончить высшей... мерой наказания.

„Крокодил“, № 9 от 15 мая:

Высший шик

Получить высшее образование. Вращаться в высшем обществе. Заниматься на службе высокими материями. Получать высшую спецставку и... кончить высшей мерой наказания.

Эх, „Крокодил“!..

Гонорар оставь себе, а авторство верни нам. Дòрого, как память.

УЖАСЫ ДЕРЕВНИ

Нужно здòрово нахмуриться, чтобы увидеть в деревне то, о чём написал в „Крокодиле“ поэт Антон Хмурый.

Зазеленеет скоро лес,
Пленяя сенью благовонной,
За арматурой самогонной
На дальний крест через „поветь“
Крестьянин на гумно идет,
Телегу ладить за овином...

Чорт знает, что такое! Не то — лес зеленеет за самогонной арматурой, не то темный крестьянин собирается ладить из арматуры телегу..

Вот и разберись в деревне!

КИТАЙСКИЙ СТИЛЬ

„Огонек“, несомненно, обладает тонким чутьем стиля.

Портрет китайского министра финансов в журнале подписан так:

„*Ван-Кен-Мин, кит. мин. фин.* ставленник француз. банков“.

Как видите, — наполовину по-китайски. А целиком — было бы еще лучше:

„*Ван-Кен-Мин, Кит-Мин-Фин, Став-Фран-Бан*“.

КОМАР В РОЛИ ТАРАКАНА

Тяжело видеть разлад в душе человека.

Но — сколь тяжелее разлад в душе насекомого!

Вот как журнал „Комар“ (№ 2) отзывается о „Смехаче“:

— Можно-ли хоть раз улыбнуться при чтении юмористического журнала „Смехач“?

— При чтении нельзя улыбнуться ни разу. А когда уже прочтешь весь журнал до конца, — невольно улыбнешься.

— Почему?

— А когда вспомнишь, что журнал этот считает себя юмористическим...

А вот что пишет нам тов. Ермилов:

— Предлагаю вам мое сотрудничество в журнале „Смехач“. Я — член ред. коллегии сат.-юмор. журнала „Комар“... „Смехач“ я считаю единственным из существующих сатирических журналов, взявшим правильный тон...

Вот так всегда с „Комарами“. Жужжат, трубят, надрываются: — „Дззз... ззз... ззз...“ А чего трубят, о чем надрываются — и самим невдомек. Ужасно беспокойное насекомое!

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА

Столкновение мнений рождает истину.

Ну, вот. Столкнулись два мнения, по поводу одной фотографии.

Напечатал фотографию „Прожектор“ (№ 5) и заявил:

Дом Ирбитского ярмарочного комитета“.

Поместил ту же фотографию „Экран“ (прилож. к „Раб. газете“, № 12) и утверждает, что это—

„*Бессарабский вопрос. Протест бессарабцев в Москве*“.

И родилась истина, простая, очевидная, неоспоримая, как все истины в мире. В праве-ли мы утаить её от наших читателей?!.

„*Оживление у входа в контору газ. „Гудок“. Подписка на „Смехач“*.

ЧАСТУШКИ

ПРО ТЕАТРЫ МОСКОВСКИЕ.

КАМЕРНЫЙ ТЕАТР.

Всюду „Грозы“ ставит щедро
Зрителю московскому
Катериной стала „Федра“,
Прет назад к Островскому.

ТЕАТР ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА.

Мейерхольд поставил „Лес“,
На конструкцию залез,
Он оттудова упал, —
По привычке дыбом встал.

Не ходи миленок по-льду,
Уже давно прошла зима.
Говорят, у Мейерхольда
Будет „Горе от ума“.

МАЛЫЙ ТЕАТР.

Потекла Неглинна вспять,
Кто бы мог сказать бы:
Будет Южин пировать
На „Медвежьей свадьбе“.

Малый я ругать не смею,—
Это не пригоже.
Был сегодня я в музее
Там одно и тоже.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР.

Станиславский обмер сам
И Москвин в истерике:
Будут ставить „Гоп-са-са“,—
Слух идет в Америке.

Разрешил в театре этом
Я недоумение:
Для гастролей оперетта
Сняла помещение.

БОЛЬШОЙ ТЕАТР.

Здесь трудились много лет
И смотри пожалуста:
Наварили венигрет
Из бедняги „Фауста“.

I СТУДИЯ М. Х. А. Т.

„Лира“ дали в конструктивах—
Вышло очень горько.
Укротили всех строптивых,
Взяли череп Иорика.

III СТУДИЯ М. Х. А. Т.

„Турандот“ да „Турандот“—
Рот дерет зевотушка.
Без Вахтангова нейдет
В студии работушка.

Эх, Завадский пост оставил,
Сеял он не то, что жнет:
Целый год „Женитьбу“ ставил,
Получился лишь развод.

Василий Кумач

ЧИСТКА ВУЗОВ

— А вас по какой линии вычистили: по социальной или академической?

— Главным образом по восходящей линии: и отец и дед помещиками были.

НА ВОЛХОВЕ

— Ну, как, — тов. Графтио, — лед прошел благополучно, — не затерло?

— Со льдом не затерло, — боюсь вот что затрет с кредитами.

ХОЗРАСЧЕТ

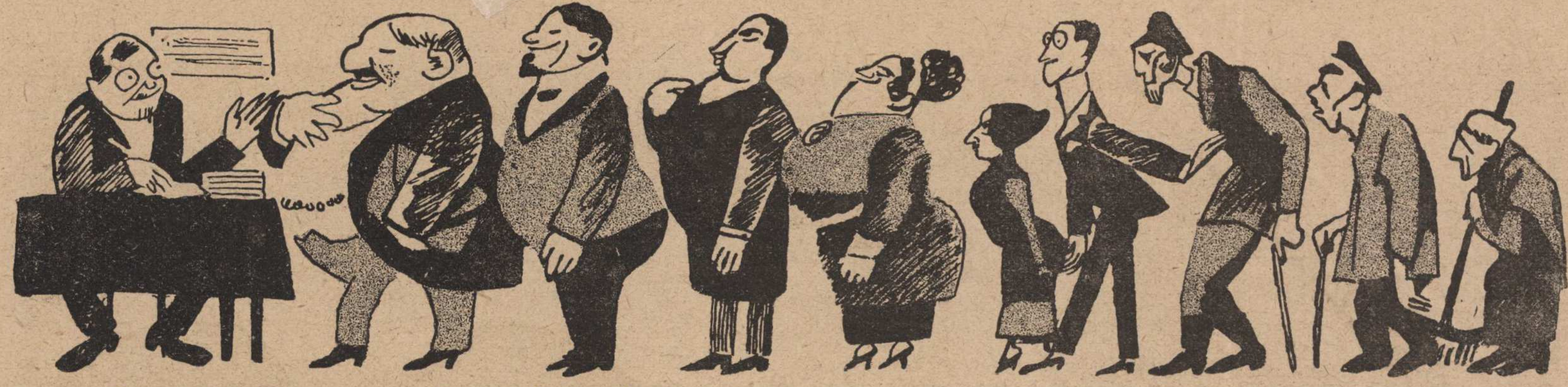
— Что это в столовой у нас порции становятся все меньше и меньше?

— Очень просто, посетителей все больше и больше. Всех облаготворить хочется.

В ДВА СЧЕТА

Есть учреждения, где при записи на курорт в первую голову начинают с зава, потом пома и т. д. Когда же дело доходит до низших служащих, все места оказываются занятыми.

(Хроника)

Единственный радикальный способ борьбы с таким порядком записи: переставить столик слева направо.

ПАРТ-РАЕШНИК

По докладу т. Ярославского на ленинградской губпартконференции.

Налетай, становись перед райком, — Уком, Губком и Райком! У дяди-Емельяна контроль-раёк без изъяна! У Емельяна-дяди не будешь в накладе: покажет правду и спереди, и сзади, заглянет в нутро, прощупает каждое ребро:

Не спрячешься!

Вот вам первая картина. Ловкая машина спеца-трестовика, „калькуляция с потолка". Разбери до нитки: снаружи — прибыль, внутри — убытки. Рядом — изобретатель-трестовик, непечатный лик. Глядеть долго на морду этую — не советую: рябит в глазах раздутый баланс. Продолжаю дальше сеанс.

Теперь гляди в оба: последних дней злоба. Нэпачи в панике! Чистка партийной механики.

Первый портрет: автомобили. Прежде были, а теперь нет: изъяты. Рядом — экспонаты: безмоторные ребята. Свыклись с грешком, обзавелись брюшком, не умеют ходить в райком пешком... трудновато...

Приспособятся!

Портрет второй: партийный герой, служил в ВСНХ. Ну, долго-ль до греха, коль человек-то сырой?!

Не поспел ошерститься, пришлось из партии катиться. Катился, докатился, к начальству обратился: до этих-мол пор служил, не скуля, за 92 рубля, как человек идейный. Нонче стал беспартейный, так нельзя-ли сего ради прибавочку получить в окладе. Беспартейному животу на 92 — невмоготу!..

Ай, да герой, — дуй те горой! *Недаром*, стал „бывшим" коммунаром.

А вот молодец иного сорта: любитель курорта. Чуть повеет весной, — он уже сам не свой: подавай ему одобрение на курлечение от... ожирения! Деньгами снабди, в отдельный вагон посади, а к работе — через шесть месяцев жди!

Сему герою прочли из советского домострою — насчет чистки и прочего такого. Ничего! Стал рассуждать толково.

Успокоился...

Картина последняя. Дивное-диво. Пришла на места директива — борьбу с излишеством вести ретиво.

Ну вот и ведут. По домам обходом идут.

Глядь! — у ответственного Петрова на дворе тёлка да корова. И в миг готово —

„Постановление:

Как излишние, — подлежат удалению".

— Благодетели всевышние! Преславный губком! Какие-ж они лишние, коль моих детей поят молоком?!

— Гм! Возражение не без толку...

„Корову оставить. *Ликвидировать телку.*"

На дворе ответственного Степанова возмутились заново. Протирают глаза, словно спросонок.

— Что такое?! *По-ро-се-нок?!!* Никак, товарищ, нельзя!

„Немедленно изъять порося."

А дальше гнев дошел до апогея: сидит у партийного беспартийная жена Пелагея, — на ушах сережки, коверчик подостлан под ножки.

— Какой позоррр! У коммуниста — ковер?! Какое излишнее накопление! — у жены коммуниста украшение!..

Возможно-ль преступление такое?! — на окне у коммуниста цветок левкòй!!!. Ликвидиррровать! С корнем вырррвать!!!

Напоследок, подведем резюме всей этой кутерьме; разберем, — что хорошо и что плохо, — отчего польза и отчего вредная суматоха.

Трестовика не жалей — отряхивай бюджет от вздорных цифр до нулей.

Производи чистку, не щадя ни по чем ни коммуниста, ни коммунистку, коль сравнялись с нэпачём.

А вот скажем прямо: от поросенка иль коровы не страдает партпрограмма.

Корова — еще не стадо мясника; цветок — не оранжерея; кòврик — не гарем турецкого кулака; серёжки — не ювелирная галантерея... Так-то! Зря партийный по пустякам тиранится...

Сеанс кончен. Дозвольте откланяться.

Что видали, взвесьте да обмозгуйте на очередном съезде.

До свиданьица!

Кузьмич

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

Ленинград. *Александру Н.* „Воротай-Воротайский, задрав юбку, бегала кругом и кричала пронзительно"... Так ей и надо! Не пиши в другой раз плохие рассказы.

Ст. „Вл. Шимановский" *Уссур. ж. д. Сыну Кузьмы.* Сын Кузьмы прислал „*Драму поэтов-лириков*", *миниатюру с началом, но без конца*", и просит сын Кузьмы „сообщить участь настоящей миниатюры"—с началом, но без конца...

Прикончили.

Жмеринка. *Б. Ж—скому.*

„Я сделался смел и задорен,
Я стал решительный смельчак,
И первый как всегда проворен
Признал с улыбкою „Смехач".

С признанием моим, что „Смехач" есть очень смешной журнал, так что приходится иногда от смеху поддерживать живот левой ногой"..

Левой ногой живот поддерживает, а правой дурацкие стишки пишет До чего приспособился!..

Ст. Кандалакша Мурм. *ж. д. Н'Арку.* „Присылая присказку „Около звезд", в дальнейшем могу послать в том же направлении: „Сказку о фее обыкновенной и двух мужчинах необыкновенных".

Попробуйте писать о самых обыкновенных мужчинах. А если не хотите, тогда просим вас посылать в другом направлении (к северному полюсу).

Ст. Кустаревка. *Ребусу.* Передали в контору.

Москва. *Воздухоплавателю.* Ваша карикатура неумна и неприлична. Повидимому,—автопортрет.

Курган Уральск. Обл. *Екимову.* Присланный вами фактический материал использовали. Благодарим и просим посылать впредь. Гонорар вышлем.

Иваново-Вознесенск. *С. Погорельскому.* Заполняем пробелы вашей забывчивой памяти: 1) Рукопись прислана без сопроводительного письма и, следовательно, без оговорки, что „ответ в почт. ящике не требуется". 2) Подписана рукопись полностью—„Сергей Погорельский", без псевдони а „Старый френч". Френч вы, вероятно, послали кому-нибудь другому. 3) Эпиграф цитирован с абсолютной точностью; „высасыванием из пальцев" не занимаемся. 4) Журнальная этика — прекрасная тонкая вещь, не имеющая никакого отношения к пивной этикетке. Нельзя путать.

Состязаться в ругани, едва-ли делающей честь вашему 7-ми летнему стажу, не имеем ни охоты, ни уменья.

„Вопрос о почтовом ящике вообще и о злоупотреблениях им некиими головотяпами", возбужденный вами „вовсе не на личном недовольстве",— вы хотите „попробовать поставить в „Журналисте".

Попробуйте и, обязательно, в таких же беспристрастных, не (при) личных тонах Здòрово непечат но выйдет!

Никольск-Уссурийск. *Н. Хаврищеву.* „Если „Поп Грузчик" пойдет, могу прислать еще несколько".

А куда нам несколько?!. Одного, пожалуй, взяли бы, да и тот у вас пошатывается,—не вытанцевался...

Брянск, Фокинский Поселок, *Т. Б-у.* Для юмористического журнала ваши стихи не подходят.

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский гублит № 7456. Типо-Литография „Красный Печатник" Ленинград. Международный, 75. Тираж 40.000 экз.

НОВАЯ ПОРОДА

Рис. Ив. Малютина

В бюджете губисполкомов Наробраз занимает последнее место... („Правда")

— Это что за дикобраз?

— Это не дикобраз. Это Наробраз. Только ему постричься не на что.